

Цинлуань несёт огонь

Словно раскалённая лава хлынула ему на колени. Жуткий жар взорвался в ногах.

Тень инстинктивно взвилась, готовая отбросить его прочь. Но Се Хунъи успел заметить его глаза — они не были закрыты. Зрачки Дань Фэна застилала муть, словно он добровольно погрузился в сон.

Кто-то наслал на него сновидение?

Се Хунъи мысленно коснулся точки между его бровей, но Дань Фэн лишь склонил голову набок, и его дыхание обожгло шею. От неожиданности Се Хунъи едва не вздрогнул.

Ненавистно!

Раньше один лишь вид посланников из Обители Сихэ вызывал у него отвращение, словно он смотрел на палящее солнце.

Особенно Дань Фэн. Едва ступив на земли Чанлю, он повёл себя как незваный гость. Он намеренно носил алый боевой халат, расшитый красными лотосами, которые обвивали его от пояса до спины. Он шествовал через земли, вызывая сверкая, словно боясь, что его не заметят.

Но после того, как Чанлю сковал лёд, и всё вокруг погрузилось в белую мглу, он всё ещё помнил этот цвет.

Его терпимость к Дань Фэну, возможно, коренилась именно в тех временах.

— Надеюсь, сон твой был полезен, — холодно произнёс Се Хунъи.

Дань Фэн, позволив старшему брату наслать на себя сон, тоже шёл на риск.

«А вдруг Се Хунъи проявит милосердие и не даст мне упасть лицом в грязь?»

Но смеяться ему пришлось недолго.

Бо Цююй передал ему образ из «Записей об истреблении демонов». Будучи сторонним наблюдателем, он видел всё в мельчайших деталях, но без той остроты, что даёт личное присутствие.

Хорошая новость заключалась в том, что его смутные воспоминания наконец-то получили подтверждение.

Двадцать лет назад он действительно был в Чанлю. Но не в качестве официального посланника, а тайно, выслеживая последователей Сюэлянь. Это давало ему куда больше свободы, чем обычному ученику Обители Сихэ.

Плохая новость — всего через три дня его выдворили из земель Чанлю.

Три дня — короткий срок, но его «подвиги» были впечатляющими.

Во-первых, увидев наследного принца, играющего на флейте и призывающего журавля, он помешал ему, из-за чего Се Ни сорвался с обрыва, а в руки ему упала белая радуга.

Во-вторых, он напал на свадебный кортеж Небесной Супруги, разбросав дары на десять ли вокруг.

В-третьих, он поджёг Изумрудную завесу и облачную ширму, и дым от пожара был виден за много вёрст.

В тот раз Бо Цююй был вынужден срочно отозвать его — вернее, силой доставить обратно во владения Сихэ.

Первое, что сделал Дань Фэн по возвращении в Обитель, — это вырвал страницу из «Записей об истреблении демонов» и, вертя её в пальцах, с бесстыдной улыбкой сказал старшему брату:

— Что натворил, то натворил. Признаю. Я сейчас же отправлюсь в уединение, чтобы очистить сердце и исправиться. Больше не нужно за мной присматривать, верно?

Так сказал Дань Фэн перед уединением, но его пальцы уже ловко выудили из сумки старшего брата печать.

Видимо, нанесённого ущерба ему показалось мало, и он, развернувшись, снова помчался в Чанлю, на этот раз в качестве посланника.

Он и не подозревал, что это путешествие в Чанлю станет для него дорогой в один конец.

В «Записях об истреблении демонов» сохранились лишь те три дня. Всё, что было после, по-прежнему скрыто в тумане.

Но одного лишь взгляда и объятия у Изумрудной завесы и облачной ширмы было достаточно,

чтобы он понял, почему, обезумев, осмелился просить руки наследного принца Чанлю.

Согласно легенде, предок Чанлю, наследный принц Гоуи, был лёгок как гусиное пёрышко и мог летать на журавле по небесным дворцам, утром стучась в небесные врата, а вечером возвращаясь в чертоги Владыки.

Королевская семья Чанлю несла в себе кровь клана Суи, их кости были полыми, что и давало им способность ходить по ветру.

Но он, чужак, откуда мог об этом знать?

Только прибыв в Чанлю, он забрёл в долину у подножия Изумрудной завесы и облачной ширмы, чтобы полюбоваться этим знаменитым пейзажем. Горы были окутаны бледно-зелёной дымкой, туманной и влажной, словно из неё можно было выжать воду. Пейзаж не шёл ни в какое сравнение с яркими закатами Обители Сихэ. Так себе.

Лишь белая радуга, косо спускавшаяся в долину, словно сверкающая стрела, пронзала солнечные лучи, и её яркость затмевала все остальные цвета.

Белая радуга пронзает солнце, синие одежды парят в облаках.

Возможно, так было предначертано судьбой. В тот день юный принц Чанлю играл на флейте в тени радуги.

Он внезапно увидел Се Ни, и его сердце опустело. Даже белая радуга померкла на его фоне.

— Ты тоже смотришь на белую радугу? — спросил он, незаметно для себя прослушав мелодию до конца и улучив момент, когда Се Ни сделал паузу.

— Кто здесь?

Его появление прервало игру Се Ни. Тот шагнул с обрыва, и Дань Фэн увидел, как его одежды и ленты взметнулись, почти растворившись в белой радуге, и он стремительно полетел вниз.

— Не нравится — не смотри, зачем с обрыва прыгать?

Только такой чужак, как он, мог принять этот прыжок за отчаянный шаг. Он тут же схватил длинную лиану и, хлестнув ей, как кнутом, точно обвил талию Се Ни. Он и не подозревал, что белый журавль под ногами Се Ни уже начал принимать форму в облаках, но его удар развеял его, и он грубой силой стянул принца с небес.

Одежды клана Суи были поистине невесомы, словно облако шёлка.

В следующее мгновение синие одежды окутали его с головой. Он встретился с гневным взглядом Се Ни и нефритовой флейтой, летящей ему в лицо. Из флейты вырвался порыв ветра!

Такой жестокий удар явно был нацелен на то, чтобы заставить его замолчать навсегда.

Дань Фэн понял, что что-то пошло не так, но его защитный истинный огонь уже сработал. Порыв ветра из флейты вспыхнул в дюйме от его лица, превратившись в алый огонёк, заплывавший между ними.

Огненное облако у виска, алая кисть.

Глаза Се Ни ярко блестели, словно в них стояли слёзы, и его грудь тяжело вздымалась. Дань Фэн даже подумал, что довёл его до слёз.

Духовный корень огня всегда избегал слёз, этих мутных проявлений пяти чувств, но на этот раз он не смог отвести взгляд.

Се Ни выглядел очень молодо. Это была не та нестареющая красота заклинателя. В его чертах ещё оставалась детская наивность, они были удивительно нежными и чистыми. Будущие перемены ещё не оставили на нём своего следа.

Бам!

Дань Фэн всего лишь засмотрелся на него, а флейта уже не выдержала жара и взорвалась. Он молниеносно схватил Се Ни за запястье и отбросил обломки.

— Не смотри на меня так. Флейта сломалась, я куплю тебе новую, — сказал Дань Фэн, не сводя с него глаз. — Как тебя зовут?

— Духовный корень огня? Кто позволил тебе войти?

— Разве Изумрудная завеса и облачная ширма не достояние Поднебесной? Оказывается, на них нельзя смотреть.

— Пик Изумрудной Завесы — это частные владения дворца Чанлю, ты даже этого не знаешь, — сказал Се Ни. — Уже много лет ни один обладатель духовного корня огня не ступал на наши земли... Отпусти!

Дань Фэн не ответил, а лишь отвернулся и сдул рассеявшееся огненное облако.

Он знал, насколько силён его канонический огонь, поэтому проявил редкую заботу, чтобы не подпалить волосы принца. Но Се Ни не оценил этого. Его зрачки сузились, и тело окутал ветер, превратившийся в бесчисленные лезвия. Воспользовавшись тем, что Дань Фэн отбивался, он отлетел на несколько чжанов и застыл в воздухе.

— Без пропуска и разрешения осмелился вторгнуться в земли Чанлю. Даже Обитель Сихэ не сможет тебя защитить, — сказал Се Ни, и в его опущенных рукавах послышался звук натягиваемой тетивы.

Такой юный, а уже обладает такой силой... и находится в частных владениях Чанлю...

Дань Фэн понял, что снова влип. Если он позволит ему уйти в гневе, разразится скандал, и его тайное проникновение в Чанлю станет достоянием общественности.

Неужели придётся драться и оглушить его?

Интуиция подсказывала Дань Фэну, что это может привести к ещё худшим последствиям.

В этот момент с пика Изумрудной Завесы прилетела лазурная птица. Её крылья заслонили небо. Она сделала несколько кругов, издав пронзительный крик, словно кого-то звала.

Се Ни вздрогнул и невольно поджал губы. В отличие от того холодного гнева, что был мгновение назад, сейчас его растерянность делала его похожим на провинившегося ребёнка.

Цинлуань быстро нашла его и человеческим голосом спросила:

— В Небесной обители струна сердца Вашего Высочества снова затрепетала, звучит она резко и гневно. Неужели в вашей практике возникли проблемы?

«Плохо дело, пришла старшим жаловаться».

К его удивлению, Се Ни, помедлив мгновение, сотворил ветряную печать, чтобы скрыть Дань Фэна, и сказал:

— Нет, это я сам проявил нетерпение.

— Вашему Высочеству пора принять Порошок Великого Спокойствия для Умиротворения Сердца. Небесная Супруга особо напоминала, что действие лекарства неечно, и во всём нужно проявлять сдержанность. Вашему Высочеству следует сосредоточиться на совершенствовании сердца.

— Я знаю. Можешь идти, — сказал Се Ни.

Цинлуань была послушной. Напомнив, она улетела, оставив после себя нефритовую бутылочку, которая по воздуху прилетела в руки Се Ни. Он сжал её, и его пальцы от напряжения побелели.

В следующее мгновение огненное кольцо обвило его талию и с силой потянуло назад!

— Ты ещё смеешь!

Се Ни резко обернулся, его правый указательный палец сделал в воздухе движение, и из него вылетела ветряная стрела, которая с лязгом вонзилась Дань Фэну в лоб.

Дань Фэн упал, и по его лицу потекла кровь.

Се Ни, очевидно, не поверил, что он так легко умер. Через мгновение он подошёл к нему и легонько пнул.

— Умер?

Дань Фэн услышал его голос. Он был мягким. У обладателей духовного корня ветра должен быть неплохой характер. Интересно, увидев его в таком плачевном состоянии, он успокоился?

Се Ни некоторое время смотрел на него. Его взгляд был таким же лёгким, как он сам, но от него по коже пробежал холодок.

— Раз умер, можно и ещё несколько десятков дыр проделать.

Он взмахнул пальцами, и снова послышался звук натягиваемой тетивы.

На этот раз Дань Фэн подскочил быстрее зайца.

— Эй! Я пришёл извиниться, у вас в Чанлю принято глумиться над трупами?

— Оказывается, в Обители Сихэ умеют притворяться мёртвыми, — сказал Се Ни.

У Дань Фэна всегда была сильная интуиция. Он понял, что, хоть принц и зол, он отвечает на все вопросы, что говорило о его некоторой прямолинейности и наивности. Вероятно, он редко общался с чужаками.

— Мой старший брат велел мне, встретив противника, с которым не хочешь драться, притвориться слабым, — сказал Дань Фэн.

— Почему ты не хочешь драться? — спросил Се Ни.

Огненный кнут на его талии ещё не исчез, он свисал, как алый шёлковый шарф, и кончики его пальцев отсвечивали кровавым цветом. Дань Фэн некоторое время смотрел на него, а затем вдруг улыбнулся:

— А почему ты меня прикрыл?

— Если бы я разгневался из-за тебя, я бы потерял лицо, — серьёзно ответил Се Ни. И хотя это была правда, его слова снова разожгли в нём гнев, и две его длинные тёмные брови сошлись на переносице. — Моего с трудом созданного облачного журавля ты развеял. Раз ты проник сюда тайно, как ты ещё смеешь нападать!

«Так вот в чём дело, а не в том, что он от стыда с обрыва прыгнул...»

— Ты снова злишься, смотри, Цинлуань! — сказал Дань Фэн.

Се Ни вздрогнул и резко поднял голову. Дань Фэн тут же метнулся вперёд, и огненный кнут превратился в алый лотос, который окутал Се Ни.

— Это в качестве извинения, — сказал Дань Фэн. — В Чанлю проникли последователи Сюэлянь, я пришёл за ними. Скоро грянет беда, если встретишь их, я их для тебя сожгу!

<http://bllate.org/book/16978/1591587>